

И ВОТ я снова в Стокгольме. Где же сквозная глечь здешней жизни, лишь изредка сменяемая легкой зыбью? Казалось, так далека эта северная обочина Европы от шумных перекрестков, магистральных дорог истории. Ныне приспущенные было паруса шведского корабля полнят ветер перемен. Подлинных и мнимых.

НОЧЬ В «КУРБИЦЕ»

В спешно достраиваемом, облицованном нержавеющей сталью здании в январе 1971 года откроется первая сессия вновь избранного риксдага. Однопалатного, избранного прямым голосованием, вместо прежнего двухпалатного. На три года вместо четырех. Первым шагом этой парламентской реформы явились недавние, проходившие при небывалом накале межпартийной борьбы выборы.

Несмотря на некоторую демократизацию избирательной системы, реформа в то же время воздвигала надолго, оборонительные рубежи, барьеры, охраняя риксдаг от «беспокойного элемента». Та партия, которая не соберет четырех процентов голосов, не получает в парламенте ни одного места. В первую очередь эти «защитные» меры были направлены против коммунистов. Газеты буржуазных партий, пытались ухулить шансы левых, разбить их голоса, охотно предоставляли свои страницы малочисленной, но крайне шумной группе маонистов, также выставивших своих кандидатов.

Политические гадалки — обозреватели пророчили со страниц всех шведских газет: «Коммунистам не «допрыгнуть» до четырех процентов». Еженедельные «опросы» публики, передававшиеся телевидением, шли в том же русле. Огромные суммы ассигновали на агитацию правых крупнейших концерны Швеции. Одно только возглавляемое Маркусом Валленбергом акционерное общество «Л. М. Эрикссон» отдало на это 800 000 крон, «СГФ» (заводы шарикоподшипников) — 400 000 и так далее. Однако ветер левых перемен все ту же наполнял паруса. Почти четверть миллиона голосов было подано за коммунистов.

— Ни одного мандата! — пророчили иные политические деятели.

— Семнадцать депутатов! — ответили избиратели.

Такого не ждали. Такого здесь еще не было! По установившейся традиции, в ночь после выборов каждая партия намечает свою штаб-квартиру, где ее лидеры и активисты с нетерпением и волнением следят за тем, как на светящемся экране возникают новые и новые цифры, сулящие им успех или поражение.

Эту бессонную ночь я провел в «Курбице» — «Клубе трубадуров», отданном на сутки избирательному штабу коммунистов. Не меньше чем восемьсот лет этому подвалу, сложенному из грубого, неотесанного камня, в прошлом складу ганзейских купцов. В клубе полумрачно и жарко. Светильники под сводчатым потолком освещают скамьи, кружки пива и горы бутербродов на столах. Отблески света падают на медные и оловянные тарелки, фляги, старинные мечи, развешенные на потускневших, выщербленных стенах. Диктор читает последние сводки. У входа толпятся репортеры. Отсюда же в самые напряженные моменты идет передача в центральную теле-

студию, чтобы вся страна видела, как в «штабах» реагируют на то или иное известие с «фронта».

«Клуб трубадуров» выбран для этой ночи не случайно.

Трубадуры — певцы, слагающие слова и мелодию песен, которые они сами исполняют, подыгрывая на гитаре — сейчас необычайно популярны в Швеции. Я видел в эти дни на улицах и площадях, как собирая вокруг себя толпы слушателей, молодые трубадуры пели «песни протеста». И чудилось мне: голос Джо Хилла (так называли в Америке шведа Юна Хиллстрема) сливался с голосом прославленного старого Эверта Тоба, любимца народа. Многие из молодых трубадуров — коммунисты. Вот и сейчас рядом со мной за столиком в «Курбице» — самый популярный из них, Корнелис Вреесвик, в гостеприимном доме которого я прожил более двух недель. Шестьдесят раз в последние предвыборные недели на митингах в Стокгольме, в Лилео — шведской Ланландии, — в Кируне, Корнелис со своей гитарой поднимал голос за партию коммунистов.

Уже второй час ночи. Досчитываются последние бюллетени, но так все ясно. Победа! И какал!

Торжественно звучит зазвучавшая Корнелисом и подхваченная залом, возвращающая мне дни молодости «Аванти пополо...». Грустная и мужественная баллада о Гримау, песня испанского Сопротивления: «Черный петух, не кичись, все равно победа достанется красному петуху».

К нашему столу подсаживается председатель партии.

— Спасибо, Корнелис, мы в риксдаге! — говорит он.

Эти слова подхватывают репортеры, чтобы завтра разнести по газетам. Во многом мы не согласны с их тактикой. Но как бы то ни было, в борьбе с правыми мы их поддерживаем. Если к власти придет правая буржуазная партия, положение трудящихся ухудшится и все, что завоевано в многолетней борьбе, окажется под ударом!

Состав нового правительства определится в январе, когда откроется первая сессия вновь избранного риксдага...

На другой день самая распространяемая в стране газета «Экспрессен» озаглавила итоговую статью — «У коммунистов ключевая роль».

Все три буржуазные партии вместе получили на несколько мандатов больше, чем правившие до сих пор социал-демократы, а те могут остаться у кормила государственного корабля лишь при поддержке коммунистов.

Семнадцать голосов приобрели репаяющее значение «ключевую роль». Да, сейчас здесь дует настолько ошутимый свежий ветер, что еще до выборов партия, ранее открыто называвшая себя правой — «Хейре», — переименовалась в «умеренную» — «модерата», — что, впрочем, никак ее не спасло. Она потеряла такое сокрушительное поражение, что после выборов сменила уже не название, а лидера.

Пожалуй, только одно удичное движение сейчас не стесняется того, что по праву, — из левостороннего стало правосторонним...

Кстати, о «ключевой роли».

— Конечно, — сказал мне, видимо, огорченный тем, что его партия потеряла абсолютное большинство, нынешний премьер-министр Улоф Пальме, — коммунисты, если захотят, могут теперь свергнуть социалистическое правительство...

— Социализм у них значится только в программе,

— как бы ответил на это председатель партии коммунистов Карл Херманссон, когда в беседе с ним я вспомнил слова Пальме. — На деле же они стараются сделать все, чтобы продлить у нас жизнь капитализма...

— В Швеции семья из четырех человек — муж, жена и двое ребят — может как-то жить, имея доход 25—27 тысяч крон в год, — продолжал Херманссон. — Таков официально вычисленный прожиточный минимум, а у нас почти миллион человек этого минимума не имеют.

Он взял с письменного стола книжку, выпущенную недавно Центральным объединением профсоюзов, и, раскрыв ее, прочитал вслух: «Что это за общество, которое допускает такое неравенство?»

— Так спрашивают они, — поднял он глаза от

монстрациях, после того как закончила работу первая сессия комиссии по расследованию зверств американцев во Вьетнаме и Камбодже. Чисто выбритые старики, бородатые юноши и нарочито небрежно одетые девушки участвовали в этой демонстрации протеста. Они, эти девушки и юноши, продавая на углах антивоенные листовки, собрали миллионы крон в помощь борющемуся Вьетнаму.

Я был свидетелем и других демонстраций, так сказать, сугубо местного значения. Колонны велосипедистов образовали из своих железных «коней» барьеры на людных перекрестках, приостановив в центре движение транспорта. Они требовали во имя чистоты воздуха, безопасности пешеходов и велосипедистов разрешить в центре города

се высмеиваются предвыборные обещания кандидата буржуазных партий. И обычно сдержанные и молчаливые, шведы комментируют песу в самых крепких выражениях.

«Карманный театр» напомнил мне наши драматические группы «Синие блузы» двадцатых годов.

Тот, кто предсказывал, что телевидение вытеснит из зрелищного обихода кинематограф и театр, оказался прав лишь наполовину. Если сейчас здесь многие кинематографы, протерев, закрылись, а другие зачехленную пустуют, то театрам это никак не грозит. Свежий ветер перемен коснулся своим дыханием искусство Мельпомены, обогатил палитру яркими красками противоречивой современности и, подтолкнув, приблизил к народу, расширил его аудиторию.

В этом году более мил-

левский драматический театр, называемый здесь просто «Драматен», где в этот вечер идет «Завещание Льва Толстого».

Первый акт пьесы — Ясная Поляна в 1906 году. Софья Андреевна, остроголая крестьянского бунта, призывает казаков охранять имение Толстых, имение, где живет он сам, человек, считающий, что земля должна принадлежать крестьянам. Высшим фоном этого трагического противоречия, этой раздвоенности душевного мира Толстого служит связанный с ним драматический конфликт. Жена требует, чтобы по завещанию все досталось семье. Толстой же хочет завещать свои произведения народу.

Вторая часть спектакля переносит нас в 1910 год, последнюю неделю жизни Толстого. Берство его из дома и смерть на безвест-

их в угоду эффементу самого дешевого толка. Трудно посчитать художественной волею сцену (которая может послужить лишь приманкой для крайне незыскательной публики), когда безавшая изсылки Юлия Игумнова, бывший секретарь Толстого, перед тем как, по приговору «революционного комитета», выстрелить в себя, просит прощения у священника, по просьбе этого священника мазохиста порет его розгами. Или другой эпизод, когда на просцену нежданно возникает давно умершая возлюбленная молодого Толстого, крепостная девушка Аксинья, и тут же начинается «стриптиз», на глазах у отнюдь «не разумного зрителя». Написанная ритмической прозой эта чуждая сцена оскорбляет. И в шлуде шлошты может потонути много доброе, что хотел сказать людям драматург.

Ветер перемен коснулся и музыки известного поэта, переводчика «Алисы в стране чудес», драматурга Ларса Форсела. Лет десять назад он перевел мольеровского «Мещанина (точнее было бы сказать «буржуа») во дворянстве». А ныне по кавие этой классической комедии вышл новую, ультрасовременную буффонаду «Буржуа и Марис», также идущую теперь в театре «Драматен».

Только его буржуа, богатый адвокат Журден, мечтает не о дворянстве — кому сейчас это интересно, — а о том, чтобы быть самым молодым, самым модным, самым популярным у молодежи. Что же для этого надо? Во-первых, обрядиться в лохмотья хиппи и обучиться гимнастике йогов, и стать левейшим из левых. На самом видном месте в своей гостиной Журден ставит бюст Маркса и начинает постигать науку «левизны». Его наставница — активный член «единственной, по ее словам, правильной партии». И хотя в пьесе не сказано, какой именно, по и костюм, и «красная книжечка» — цитатник — красноречиво говорят за себя.

Из уст наставницы на зрителя обрушивается хорошо знакомый каскад ругани по адресу всех не согласных с нею. Но этот словесный швал сметает в первую очередь все пороки с псевдореволюционной фразеологией. Почти каждую реплику заглушает смех зрителей. Один только Журден, глядя ей в рот, жадно ловит каждое ее слово...

Оставшись наедине с собой, Журден, этот ныне левый из левых, закрывает бюст Маркса платком и кричит: «Прости меня, Карл, но я люблю Никсона». Сне двоедушные настолько типично, что зритель реагирует очень бурно.

Но неужели в этой комедии вовсе нет положительных персонажей и ее герой, так же как в «Ревизоре» Гоголя, только смех? На этот вопрос точнее всего ответил критик правой газеты Оке Янсон: он считает неудачей то, что, высмеивая все и вся, драматург в противоречии с законами жанра, когда речь заходит о Кенете — рабочем паренке, женке Люси, дочери Журдена, — и его «товарищах», поющих «Аванти пополо», становится серьезным и открыто симпатизирует им.

Не есть ли этот укор критика, обвиняющего автора в откровенном расползении к коммунистически настроенной молодежи, — похвала и одновременно констатация того, что «ветер перемен», пронюхав над всей страной, отражается, как в зеркале, пусть иногда «кривоватом», не только в выступлениях «карманных театров», но и на сцене самого большого

академического театра Швеции?

ЗАБАСТОВКИ —

СЕГОДНЯ,

ЗАБАСТОВКИ —

ЗАВТРА

— Чем же объяснить, что так высоко взметнулась из глубин волна общественной, политической активности на гребне своем, как и всякая волна, несущая и пену? — спрашивал я у шведских друзей.

— Мы стыдимся, что оказались оторванным свиной сьюты в океане нищеты и несправедливости! Война во Вьетнаме! — отвел мне высокий бородатый парень, студент-философ.

— Непрерывно возрастающая дороговизна продовольствия и жилья внутри страны, снижение цен на мировом рынке на продукцию нашего экспорта, таможенные барьеры за рубежом. Чтобы выдержать конкуренцию, предпринимателям приходится непрерывно повышать производительность труда, перекладывая тяготы на плечи рабочих, — объяснил мне ситуацию умелый экономист.

Журналист, примыкающий к партии центра, считает, что:

— Тысячи и тысячи фермеров, выселенные из сельского хозяйства, попадают в городе в разряд низкооплачиваемых трудящихся. Тоска по утраченной земле, по своему дому, по лесам, поитная каждому шведу, — разве этого мало для подпольства?

— Не забывают о «белых воротничках» — пролетариях казначейств и работников умственного труда, число их и влияние все время увеличивается. И они уже не только пользуются методами борьбы, выстраиваемыми пролетариатом (вспомните забастовку учителей, стачку на радио и телевидении), но все более и более осознают общность своей судьбы с судьбами рабочих. Они не отгораживаются от них так, как раньше. Сейчас здесь, у нас, это такой же потенциальный союзник рабочего класса, как у нас в России было крестьянство, — говорит мне мой приятель, врач.

В каждом из этих высказываний есть своя правда. Но мне думается, что самое главное, основа всего, происходящего в Швеции, — набирающая новую силу активность рабочего класса. Внезапно, словно вулканические извержения, против воли профсоюзных боссов возникают забастовки. Объявленные «дикими», незаконными, они встречают поддержку в народе. В подполье многомесячные забастовки на железных рудниках шведского Заполарья — Свапаваары, Кируны, Мальмбергета — было собрано семь с половиной миллионов крон.

«Мы не машины», — было написано на плакатах стачечников. В ответ на неслыханное и болезненное перенапряжение в работе при сдельно-часовой оплате шахтеры требовали не только повышения заработной платы, но и перехода на твердый месячный оклад.

Призрак грандиозной забастовки на принадлежащих государству рудниках маячит перед Центральным объединением профсоюзов Швеции и Союзом предпринимателей, ведущими сегодня переговоры о заключении новых коллективных договоров на предстоящие два года.

Кто одержит победу в этой борьбе, какие новые перемены произойдут в Швеции, покажут первые месяцы нового года. СТОКГОЛЬМ — МОСКВА

Геннадий ФИШ

ШВЕЦИЯ: ВЕТЕР ПЕРЕМЕН?..

кишки. — А мы отвечаем: это капиталистическое общество, во главе которого больше тридцати лет стоят социал-демократы... Во многом мы не согласны с их тактикой. Но как бы то ни было, в борьбе с правыми мы их поддерживаем. Если к власти придет правая буржуазная партия, положение трудящихся ухудшится и все, что завоевано в многолетней борьбе, окажется под ударом!

Состав нового правительства определится в январе, когда откроется первая сессия вновь избранного риксдага...

НА УЛИЦАХ И НА СЦЕНЕ

Телевидение врывается сейчас в каждый дом — редкая семья не обладает этой, как говорят шведы, «жевательной резинкой для глаз». В замкнутом мире обывателя, делая его домоседом, отгораживая от живого общения с людьми, телевизор одновременно расширяет окна в широкий мир. И все реформы из вечера в вечер подробно обсуждаются, дискутируются в полемических схватках лидеров политических партий, известных ученых, популярных журналистов, в заранее подготовленных вопросах и импровизированных ответах «человека с улицы». Шведов волнуют многие острые и нерешенные проблемы — они спорят о том, вступать ли Швеции в «общий рынок»: как лучше охранять природу; как добиться подлинного равенства мужчин и женщин; как бороться с наркоманией и о многом другом...

Полное единодушие царит в гневном осуждении американских злодейств в Индокитае. Требования немедленно вывести оттуда войска интересуются прозвучало в многолюдных де-

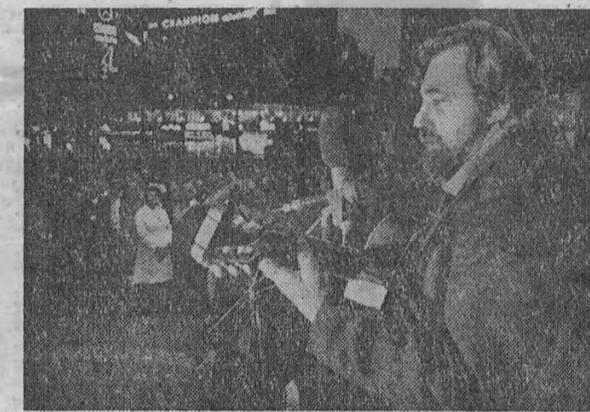
монстрациях, после того как закончила работу первая сессия комиссии по расследованию зверств американцев во Вьетнаме и Камбодже. Чисто выбритые старики, бородатые юноши и нарочито небрежно одетые девушки участвовали в этой демонстрации протеста. Они, эти девушки и юноши, продавая на углах антивоенные листовки, собрали миллионы крон в помощь борющемуся Вьетнаму.

Я был свидетелем и других демонстраций, так сказать, сугубо местного значения. Колонны велосипедистов образовали из своих железных «коней» барьеры на людных перекрестках, приостановив в центре движение транспорта. Они требовали во имя чистоты воздуха, безопасности пешеходов и велосипедистов разрешить в центре города

се высмеиваются предвыборные обещания кандидата буржуазных партий. И обычно сдержанные и молчаливые, шведы комментируют песу в самых крепких выражениях.

«Карманный театр» напомнил мне наши драматические группы «Синие блузы» двадцатых годов. Тот, кто предсказывал, что телевидение вытеснит из зрелищного обихода кинематограф и театр, оказался прав лишь наполовину. Если сейчас здесь многие кинематографы, протерев, закрылись, а другие зачехленную пустуют, то театрам это никак не грозит. Свежий ветер перемен коснулся своим дыханием искусство Мельпомены, обогатил палитру яркими красками противоречивой современности и, подтолкнув, приблизил к народу, расширил его аудиторию.

В этом году более мил-

Корнелис на одной из площадей Стокгольма.

лиона человек посмотрели спектакли Государственного гастролирующего театра. Для такой страны, как Швеция, это немало. Ветер дует слева, поэтому наибольшим успехом пользуются те спектакли, где критикуется современное общество, пьесы на злобу дня, действие в которых зачастую основано на документальном историческом материале.

Я проглядываю театральные афиши. В городском театре идет пьеса о доме для престарелых — самая что ни на есть злободневная тема для страны, не без основания называемой «страной стариков», многими из которых живетелегеле. Там же поставлена драма-история о «величии и падении» мультимиллионера Ивара Крейгера — спичечного короля, банкротство которого ознаменовало начало экономического кризиса в Швеции 30-х годов.

«Группенгагер», небольшой новый театр, дает спектакль с почти газетным заголовком — «Проблема наркотиков». В «Наркотеатре» идет пьеса «Солидарность — сила рабочих», написанная по горячим следам забастовки на рудниках Заполарья, Свапаваары, Кируны и Мальмбергета, забастовки, финал которой совпал с премьерой театра.

Мы проходим по мостам, переброшенным через пролив, соединяющий озеро Меларен с фиордом Балтики. К набережной пришвартовалась плашкоут-баржа. На борту ее выведено: «Арена». Это театр на плаву, а поскольку пролив и набережные архипелага, на котором стоит Стокгольм, — те же улицы города, и театр можно, пожалуй, назвать «уличным». Публика сходит по трапу на берег после представления «Общество принадлежит тебе», в котором на судьбах героев пьесы критически рассматривается насущная и острейшая для страны жилищная проблема.

...У нас билеты в Коро-

ной дотале станции Астапово.

Смотришь эту постановку молодого режиссера Матса Эка, где его отец, отличный актер Андерс Эк играет Толстого, и думаешь, какие яростные страсти, какие благодарные для драматурга социально значимые коллизии! И понимаешь, почему литературатор Ларс Арделлиус сказал о спектакле: «Ситуация Льва Толстого — это наша собственная ситуация, почтиная большинству из нас».

Конечно, речь идет о мятущейся шведской интеллигенции, которая сейчас поставлена перед необходимостью решить вопрос: надо ли решительно бороться против зла, царящего в мире, — нищеты, несправедливости, гонки угнетенных, — или ограничиться лишь «совершенствованием своей души». Попятно и то, почему театральный критик либеральной буржуазной газеты озаглавил рецензию на пьесу о Толстом в «Даренс шюхетере» — «Трагедия папифиста в капиталистическом обществе». Критик же правой газеты «Свенска дагбладет», как и полагается ему, негодовал на то, что «проповедь неприятия злу на сцене превращается в проповедь революции».

Я, разумеется, как и всякий советский литератор, смотрел этот шведский спектакль о трагедии русского гения с особым интересом, прощая молодому драматургу Арне Торнквисту некоторые неточности и памятуя, что он в подзаголовке к своей пьесе вынес: «Не совсем правдоподобная история». Само обращение к этой теме, ее пережитки с насущными шведскими проблемами позволяли смотреть сквозь пальцы на некоторую «клокочку» и наивность в трактовке образа Толстого.

Но и неправдоподобие, наверно, имеет свои границы. Торнквист, увы, в некоторых случаях преступает